

Глава 3: Большой пес, я хочу пройти здесь

Дядя Гао отнес Лу Жуна в деревню и по дороге расспросил нескольких детей о доме Ван Цуйхуа. Они говорили на местном диалекте, и хотя Лу Жун мало что понимал, голоса его сверстников заинтриговали его, поэтому он поёжившись, слегка приподнял лицо, чтобы осмотреться.

Между детьми возникло некое притяжение, которое заставило их забыть обо всем остальном и сосредоточено глядеть друг на друга. Никакого избегания, никакого смущения, пялились прямо друг на друга.

Лу Жун даже на время позабыл о печали, вызванной тем, что его бросил Ван Ту, и дети тоже забыли, что те держат корову.

Только когда корова подняла голову и смела языком горку арахиса, разложенную на площади рядом с ней, с хрустом пережевывая их, один из детей вскрикнул и с тревогой призвал остальных поторопиться.

Группа детей погнала скот по грунтовой дороге и ринулась вперед. Толстая женщина выбежала из дома неподалёку от площади, ругаясь им в след. Ее голос был пронзительным и свирепым, и Лу Жун испугался её больше, чем любой другой тётки, которую он когда-либо встречал, поэтому он немного беспокоился за детей.

Дядя Гао двинулся вперед, а мальчик всё продолжал оборачиваться, чтобы оглянуться.

Дети отбежали подальше от женщины, ничуть не испугавшись, болтая удирали время от времени оборачиваясь, чтобы скорчить ей рожицу. Особенно когда они обнаружили, что Лу Жун, оглядываясь, наблюдает за ними, они только более исказили выражение лица и тон голоса, провоцируя уже вскочившую на ноги женщину.

Но их глаза тайком поглядывали на Лу Жуна.

— В конце концов, никто из них никогда не видел более привлекательного ребенка, чем он, тот словно кукла, сошедшая с картины.

Лу Жун увидел, как они вертят задницами и корчат рожи, и поджав губы не смог удержаться от смеха. Он только что закончил плакать, и его лицо еще было жестковатым от уже высохших на нём слез. Улыбка натянула его загрубевшую кожу, и он сразу же вспомнил, от чего только что плакал, и о Ван Ту.

Настроение, которое только что было слегка приподнято, опять испортилось, и он повернулся и снова облокотился о плечо дяди Гао. Дядя Гао, после разговора с группой детишек, очевидно, тоже был в плохом настроении и больше не уговаривал Лу Жуна слушаться, а только

угрюмо не говоря ни слова, ускорил темп.

Лу Жун посмотрел по сторонам и увидел большую желтую собаку, сидящую под карнизом во дворе, а несколько маленьких щенков катались вокруг, как фрикадельки. Маленький желтый щенок выбежал из-под карниза дома, ледяной снег под его лапками, заставил его задрожать и отступить назад.

Лу Жун продолжал наблюдать за щенками, со слегка приподнятым настроением, пока они не скрылись из виду. Дядя Гао остановился перед двором с закрытыми воротами.

Бам, бам, бам, бам!

Дядя Гао долго стучал в дверь, затем кричал параллельно стуча и, вскоре, начал колотить кулаками с такой силой, что Лу Жуну показалось, что старая деревянная дверь вот-вот рухнет. Он был так громок, что дверь соседнего дома открылась, и оттуда вышел мужчина в хлопчатой куртке с миской риса.

"Вы ищете Ли Чжу?" — Мужчина спросил дядю Гао на местном диалекте.

"Ли Чжу? — Дядя Гао повернул голову и посмотрел на злосчастную дверь во двор. — Я ищу Ван Цуйхуа."

"Ван Цуйхуа — двоюродная сестра Ли Чжу, они родственники," — мужчина набил полный рот риса и засмеялся.

Дядя Гао спросил: "Они не дома? Я только что встретил кучку детей, которые сказали, что они ушли."

Мужчина ответил: "Да, они только что уехали."

"Куда?"

"Они отправились на работу в Гуандун."

Дядя Гао спросил: "Ты не знаешь, когда они вернуться?"

Мужчина покачал головой и сказал: "Я не знаю, просто ушли, они не вернуться по крайней мере, до следующего Нового года."

Дядя Гао повернулся, чтобы посмотреть на дворовую дверь, тем временем Лу Жун был недалеко от овощного поля, когда что-то привлекло его внимание мальчика.

Огород был скошен, осталось только несколько огрызков, покрытых инеем, с тремя или четырьмя свиньями, виляющими хвостами и жующими их.

Взгляд мужчины упал на Лу Жуна, как будто он о чем-то задумался, и тот спросил: "Это тот мальчик, которого заказала Ван Цуйхуа? Он им больше не нужен, Ван Цуйхуа беременна, и Ли Чжу намеренно забрал ее с собой в Гуандун, сказав, что больница там хорошая, и там родится их ребенок."

Лицо дяди Гао осунулось. Лу Жун услышал, как он прошептал непонятное ругательство.

Еще двое детей вышли из двери позади мужчины, оба с мисками, стояли во дворе и смотрели на Лу Жуна, поглощая свою еду.

Дядя Гао взвалил Лу Жуна на спину и пошел к дороге, когда мужчина тепло пригласил: "Присоединяйся и съешь риса. В такой холодный день тарелка горячего супа была бы подстать."

У дяди Гао не хватило сил ответить, он просто махнул рукой, и его ноги продолжили двигаться вперед.

Лу Жун бесшумно лежал на спине, и не спрашивал, куда они направлялись. Вскоре они добрались до въезда в деревню, в окрестностях было совершенно тихо, не считая свиста ветра, только лай нескольких собак доносился издалека.

Как вдруг за грудой дров внезапно заиграла монотонная электронная музыка, прорезавшая тишину деревенского поля. С первой же услышанной ноты мелодия отдалась звоном в мозгу Лу Жуна. Спина дяди Гао резко выпрямилась, полный недоверия и потрясения, и его мышцы напряглись.

Это был рингтон нокиа Ван Ту. Зачастую после того, как звучала эта мелодия, Ван Ту кричал с кухни или со двора: "Жун-Жун! Принеси телефон гэгэ с кофейного столика!"

Лу Жун быстро огляделся, пытаясь найти Ван Ту. Его сердце бешено колотилось, и он был готов безудержно завопить.

Всю эту дорогу его убеждали, что Ван Ту бросил его, но это было не так. Он нашел его. Он в любой момент собирался выйти из какого-нибудь угла, протянуть ему руку и сказать: "Жун-Жун, пошли. Гэгэ приехал за тобой, пойдём домой."

Звонок продолжался, Ван Ту не выходил, но дядя Гао остановился, одной рукой ощупал карманы Лу Жуна, а другой достал сотовый телефон из черной сумки, висевшей у него на груди.

Телефон был черной Нокией, с чехлом-книжкой, Лу Жун узнал его, ведь у Ван Ту точно такой же, но цвет был другим. Дядя Гао взглянул на номер звонившего, его лицо стало очень нервным, когда он быстро нажал кнопку ответа.

"Алло! Алло! Алло..."

Сигнал на горе был плохим, поэтому он долго пытался дозвониться, пока собеседник не повесил трубку.

Он спустил Лу Жуна со своей спины на землю и начал перезванивать. Полный тревоги, он смотрел на индикатор сигнала в верхней части экрана, сначала побежав во двор дома слева, но обнаружил, что тот не ловит, а затем взобрался на поленницу неподалёку.

"Эй... Повтори пожалуйста, только что сигнала не было, а..." — дядя Гао взобрался на высокую поленницу дров и отвечал голосом, аналогичный крику.

Лу Жун застыл на месте с того момента, как дядя Гао вытащил телефон, его маленькое личико побледнело, а глаза смотрели неподвижно.

"...Ты добрался до моего дома? Моя мама что-нибудь сказала? Мой брат заходил...? Я понимаю, понимаю..." — Хоть и звонок дяди Гао был долгим, но он почти ничего не говорил, он в основном слушал, просто повторяя слова "да" или "понимаю, понимаю".

Когда он закончил разговор и спустился с поленницы дров с испуганным выражением лица, тот не удержался и упал, и вязанка дров больно упала на него. Он оттолкнул дрова и быстро поднялся, не обращая внимания на Лу Жуна, который все еще стоял на дороге, и поспешно зашагал в направлении деревни.

Сделав несколько шагов, он вспомнил о Лу Жуне, повернулся и небрежно сказал: "Лу Жун, дяде Гао нужно уйти по делам, так что подожди меня здесь. Я вернусь, чтобы забрать тебя после того, как со всем закончу."

Лу Жун стоял неподвижно, и только когда услышал эти слова, поднял глаза на дядю Гао. Он не плакал и не говорил, что хочет пойти с ним, как когда ничего не понимал. Но в этих больших темных глазах явно читались паника и осознание, и казалось, что он все понял.

Дядя Гао встретился с ним взглядом, проглотив остальные слова и сказал: "Дядя Гао столкнулся с неприятностями, поэтому я не могу взять тебя с собой. Но не волнуйся, многие люди в этой деревне хотят детей. К примеру, та семья, которая пригласила вас к себе домой поесть, они вот не голодают. Сначала найди семью на первое время, где можно было бы остановиться, а дядя Гао решит проблему и затем приедет за тобой."

Сказав все это, его больше не заботил Лу Жун, он продолжил набирать номер телефона и вдоль

дороги, побежал из деревни. Его фигура становилась все меньше и меньше и вскоре исчезла в конце дороги.

Лу Жун стоял на грунтовой дороге, справа от него был двор с закрытой дверью, над которой висела выцветшая белая новогодняя картинка, пухлый ребенок держал золотого карпа. Слева от него был деревянный сарай, сделанный для загона скота, который был пуст и покрыт большим количеством сена.

В какой-то момент снова повалил снег, ему становилось немного холодно, и он не знал, что делать, поэтому побрёл вперед в том направлении, куда ушел дядя Гао. Он не собирался преследовать дядю Гао, но здесь была только одна дорога, и он решил идти до конца, тогда он сможет вернуться домой.

Ван Ту велел ему не возвращаться домой, но даже жить в лесу через дорогу от своего дома, это было бы неплохо. Кроме того, добравшись до места, где не было ни домов, ни людей, он мог превращаться в оленя и побежать быстрее.

Грунтовая дорога местами была обледенелой, скользкой и твердой, а в лесу не было льда, тропинка была полна грязи.

Мощные зимние ботинки Лу Жуна были полны грязи и казались еще больше. Его пуховик тоже был грязным, а нижнее белье, которое он носил, не было заправлено за пояс брюк, с тех пор как мальчик упал на землю, обнажив свою нежную и белую талию.

Ветер со свистом продувал обнаженные участки.

Ребенок продолжал идти вперед и резко остановился на углу. Он в ужасе смотрел прямо перед собой, его зрачки расширились, и он тяжело задышал. Всего в дюжине метров от него большая черная собака с блестящей шерстью перегородила середину дороги, оскалив зубы и рыча на него.

Лу Жун любил маленьких собак, но также боялся больших и свирепых. Каждый раз, когда они с Ван Ту выходили на улицу и встречали маленьких собак, он обнимал их. Но как они сталкивались с большой собакой, он капризно бежал обнимать Ван Ту.

Он огляделся и не увидел никого, на кого мог бы опереться, поэтому сказал плачущим голосом: "Извини, большой пёс, я хочу пройти здесь, хорошо?"

Большая черная собака не поддавалась на уговоры, и сделала два шага вперед.

"Тогда забудь," — Лу Жун повернулся с бледным лицом и быстро пошагал обратно. Он вернулся к входу в деревню, прежде чем осмелился оглянуться и обнаружил, что большая черная собака не последовала за ним, и только тогда почувствовал облегчение, его ноги

дрожали. Мальчик постоял на въезде в деревню и ковылял некоторое время, чувствуя, как замерзает, прозрачные сопли смешиваются со слезами.

Ребенку, который обычно был очень чистоплотным, приходилось по очереди вытираться рукавами, сшитыми из не впитывающей тканями, от чего сопли размазывались по всему лицу, образуя твердую корку, когда дул ветер.

Снег все усиливался, никто не выходил из деревни, и, видя, что уже темнеет, Лу Жун не знал, блокирует ли все еще черная собака дорогу, и не решался перейти ее. Он вошел в пустой коровник у обочины дороги.

Коровник был сделан из дерева, его три стороны могли блокировать ветер, но спереди были только две толстые деревянные балки.

Лу Жун протиснулся в щель между досками, чтобы забраться внутрь, и забился в угол на кучке сена. Он подумал, что, когда небо станет совсем темным, большая черная собака тоже отправится домой, верно? Тогда я смогу превратиться в оленя, и меня никто не найдет, потому я смогу быстро спуститься с горы.

Голод ничего не значил, так как, когда он превращался в оленя, ему нравилось есть траву. Когда он пришел, мальчик заметил, что, хотя травы не было, на некоторых деревьях все еще были листья.

Но листья были старыми и горькими, очень невкусными.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326832>